

А. А. Вершинин

РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ ДИКИХ КОПЫТНЫХ
В КАМЧАТСКОЙ ОБЛАСТИ

На территории Камчатской области обитают три вида диких копытных животных: северный олень, лось (встречается только за пределами Камчатского полуострова) и снежный баран.

В настоящей статье обобщены материалы о распространении и численности этих видов, собранные в период работы на Камчатке с 1942 по 1962 г. и в отдельных поездках 1966, 1969, 1970 гг. Использованы также литературные данные, материалы охотничьего хозяйства и отчеты областного управления охотничьего хозяйства. По этим материалам составлена схематическая карта распространения копытных в Камчатской области (см. рисунок). Приведены некоторые сведения о распространении и численности диких копытных, собранные в 1939—1941 гг. в Анадырском районе Чукотского национального округа, входившего в то время в состав Камчатской области.

Дикий северный олень (*Rangifer tarandus* L.; по-корякски и чукотски — ылвель, ильвылю, по-ламутски — буюн).

Естественный ареал дикого северного оленя охватывал в далеком прошлом весь северо-восток Азии до берегов Ледовитого океана и всю Камчатку. Однако во времена русских землепроходцев, в XVII—XVIII вв., численность диких оленей и их размещение в значительной степени определялись выпасами стад домашних оленей. Под воздействием освоения пастбищ оленеводством и отстрела численность диких оленей постепенно уменьшилась, ареал раздробился на отдельные очаги.

В начале нашего века очаги еще не вполне обособились, олени встречались в окрестностях Петропавловска и ближних селений. Н. В. Слюнин в 1895 г. убил в августе оленя южнее входа в Авачинскую губу напротив о. Старичкова. В. Л. Комаров летом 1908 г. видел табунок оленей близ Начининского озера, наблюдал их торную тропу близ с. Начики, встретил оленя в 2,5 км от Паратунских горячих ключей.

В настоящее время основное поголовье диких оленей на Камчатском полуострове обитает в трех основных очагах: 1) на юге полуострова в хребтовой части Усть-Большерецкого и Елизовского районов; 2) кроноцко-жупановский очаг, на территории Кроноцкого заповедника, Елизовского и Усть-Камчатского районов; 3) озерновско-воямполский очаг — в южной части Карагинского и северной части Усть-Камчатского районов, захватывающий верховья р. Воймполки в Тигильском районе.

На юге полуострова дикие олени обитают от озера Курильского до Опальской сопки и, несколько севернее, до истоков р. Паратунки. Основное поголовье держится по склонам хребтов Оломенского, Толмачевского и Севан, по горным тундрам в Правой илевой Ходутке. Иногда олени заходят до восточного берега моря, где ранней весной кормятся свежей травой (Плечев, 1939). В течение последних 20 лет численность оленей здесь считается постоянной. Большие скопления животных наблюдаются на зимовках в районе Толмачевского озера, Гуленских хребтов и сопки Желтовской. По сведениям охотоведа В. А. Мирошниченко, в 1957—1959 гг. только в районе Толмачевского озера охотники насчитывали 2—3 тыс. оленей. В 1957 и 1966 гг. в Толмачевской долине и на Апачинских ключах добыто по 50 голов. При охотустройстве в 1968/69 г. там зимовали 1500—1800 оленей. Кроме того, до 700 диких оленей, спасаясь от глубокоснежья в хребте, вышли на побережье Охотского моря и паслись на приморских тундрах.

Кроноцко-жупановский очаг обитания диких оленей в 40—50-х годах был крупнейшим на Камчатке. Ю. В. Аверин (1948) наблюдал в Кроноцком заповеднике стада по 400, 1000, 1500 и даже 2000 оленей. Летом олени широко разбредались по территории заповедника, зимой уходили в хребты. Ю. В. Аверин различал в районе Кронок две большие зимовки. Центральная зимовка — севернее и восточнее озера Кроноцкого, близ сопки Кроноцкой, Шмидта, Гамчен, Шапинской (Кизимен), Конради и в истоках р. Сторож. Отсюда олени на лето спускались к морю в южном и восточном направлениях, разбредаясь по тундрам заповедника. Вторая большая зимовка — на Жупановских долах, откуда олени расходились на лето по Валагинскому хребту.

За последние 20 лет условия обитания оленей на территории заповедника не изменились. По сообщениям геологов, оленей в Кроноках много. В 1965 г., до выпадения большого снега, около 200 оленей держались в центре заповедника на тундрах по рр. Столбовой и Богачевке, близ гор Крутой и Лысой. Там же держались и волки.

По долам от р. Шапиной до южных склонов сопки Толбачика и Ключевской в 40—50-х годах оленей было много. На Ипуинском (Шапинском) долу наблюдали стада по 400 голов. Зимой 1957/58 г. охотник Е. Я. Стародубов наблюдал на этом долу у сопки Кизимен стада в несколько тысяч оленей. С долов часть

олений весной шла на отел по подножью Толбачика, обходя его с запада, на северные и северо-восточные склоны этой сопки; в места, защищенные от северо-восточных ветров группой вулканов Ключевской сопки. Отелившиеся важенки с телятами держались группами в верхних частях горных долин.

Жупановские доли долгое время считались одной из наиболее многочисленных зимовок оленей на полуострове. Зоолог В. Д. Покровский в 1939 г. видел на р. Жупановой стадо в 200 голов. Чаще ему попадались группы и табунки в 7—100 оленей. Летом олени держались в пойменных тундрах от р. Колокольниковой до истоков рр. Правой илевой Жупановых, осенью поднимались на истоки р. Авачи у р. Тополовой. В группе, не превышавшей $\frac{1}{3}$ этого стада, он насчитал 97 оленей. В период Великой Отечественной войны колхозам Мильковского района разрешалось добывать на Жупановских долах ежегодно по 100—150 оленей, добывали, однако, всегда меньше.

В 1965/66 г. олени группами до 30 голов встречались в верховьях р. Авачи и среднем течении р. Жупановой. Охотники Елизовского госпромхоза добыли здесь около 80 голов. Оленей добывали также по р. Налычевой к северо-востоку от Авачинской сопки. В последние годы оленей в этих местах стало меньше, появление их зимой в пойменных угодьях было, вероятно, следствием распугивания животных при отстреле на р. Жупановой или выпасом домашних оленей в Валагинском хребте.

В 60-х годах оленеводы освоили новые пастбища в истоках рр. Камчатки и Большой Быстрой, в долине р. Кавычи, по склонам Валагинского хребта. В течение 1965—1968 гг. стадо численностью более 1000 оленей перегнали по Восточному хребту до Толбачинских долов, где оно выпасается в настоящее время.

По охотустроительным данным 1969 г., на Жупановских долах насчитывается 800—1000 диких оленей, а всего в кроноцко-жупановском очаге — 1500—2000 голов, т. е. меньше, чем наблюдалось в 40-е и 50-е годы. При облете Жупановских, Щапинских и Толбачинских долов зимой 1969/70 г. дикие олени встречались единично и небольшими группами. По сведениям В. Е. Мельникова, в январе 1970 г. большое скопление оленей (до 3000 голов) наблюдалось в районе сел Макарка и Лазо. При этом благодаря малому снегу олени держались в лесу.

В начале прошлого века, до переселения в Центральную Камчатку кочевых эвенов, диких оленей было много в Срединном хребте на территории современных Быстринского и Соболевского районов. В середине века кочевники-олениеводы стали совершать переходы даже до Большерецка, в результате численность диких оленей сократилась (К. Дитмар, 1855). Н. В. Слюнин (1900) встречал диких оленей около Коловского острожка и Тигиля. В те времена, вероятно, еще существовала миграция диких оленей между Срединным и Валагинским хребтами по Ганальской

тундре, где в малом числе они появлялись до 1940 г. После прокладки над Ганальской тундрой трассы самолетов Петропавловск — Мильково и автодороги по тундре диких оленей там не встречаются.

Постепенно горные пастбища в центральной части Срединного хребта, от истоков р. Камчатки до Тигиля, были освоены домашним оленеводством, а дикие олени вытеснены и истреблены. Немногочисленные «дикари» сохранились на Малкинском хребте, в истоках рр. Колпаковой и Кихчика. В марте 1945 г. свежие следы небольшого табуна обнаружены близ озерного истока р. Камчатки и пади Яковской. В 1968 г. охотустроители учли в верховьях Кихчика около 150 оленей. Возможно, что дикое поголовье пополнилось в этих местах за счет растерянных домашних оленей. В долину р. Камчатки олени спускаются редко, вероятно, вследствие многоснежья.

Дикие олени сохранились на западных склонах и отрогах Срединного хребта, в верховьях р. Напаны, где зимой 1953/54 г. встречен табунок оленей, преследуемый волками. Возможно, олени сохранились по рр. Быстрой и Хайрюзовской, в 1950 г. охотники встречали их на р. Чаба и около озера Бобея в Кекукнайских горах.

На восточных склонах Срединного хребта олени сохранились в истоках рр. Киревны (Киреун), Двухюртенной, Шишей (притоки р. Еловки). Эти территории мы относим к третьему «очагу» — озерновско-воямполскому, который захватывает территорию трех административных районов: северную часть Усть-Камчатского, юг Карагинского и истоки Воямполки Матерой в Тигильском районе.

Лет 30—40 назад в Озерновском очаге насчитывались многие тысячи оленей, которые совершали регулярные кочевки с летовок от полуострова Озерного (мыс Начикинский) к зимовкам на западные склоны Срединного хребта. В 50-х годах встречали табуны до 150 оленей, чаще — группы по 10—20 голов. Основное поголовье проходило между рр. Укой и Озерной в ноябре—декабре, меньшее — севернее, между Укой и Начикой, — в сентябре—октябре. Границей северных заходов оленей по восточному склону Срединного хребта считается р. Ламутская.

По наблюдениям геоботаников Камчатской землеустроительной экспедиции Л. И. Филипповой и Л. И. Закман в 1951 г. на юге Карагинского района, лишайниковые тундровые пастбища в долинах рр. Озерной, Киучина, Кичевины и Кожуковицы, около мысов Озерного и Двойного, на Начикинском мысе (полуостров Озерный) были сильно стравлены, так как эти места служили весенними отельными пастбищами диких оленей. Летом важеньки с телятами широко разбредаются. Основные летние пастбища — березовые редколесья и леса. Ранней осенью олени пасутся по поймам небольших ключей, где сохраняется молодая свежая зелень.

В комариный период дикие олени охотно посещают хорошо продуваемые лишайниковые тундры. Охотники считают, что севернее р. Озерной бывает минимально около 500 оленей. Основная масса оленей (после осеннего сбора в табуны на рр. Македония и Мала-Ваям) в конце сентября и начале октября откочевывает обратно на Срединный хребет, двигаясь не по долине р. Озерной, а километров на 10 севернее, по рр. Киучину, Кичевине и Кожуковице. Зимовать на Начикинском мысу остаются несколько десятков оленей, которые добывают корм на выдувах. Однако площади выдувов и запасы ягеля невелики, к тому же выпас затруднен вследствие большого снегового покрова, достигающего местами 3—5 м.

Массовый ход оленей по междуречью Начики и Хайлюли начинается в конце сентября — октября. В Начикинской тундре они иногда задерживаются до декабря, и только после сильных снегопадов переваливают на западный склон Срединного хребта. Зимовке оленей на восточном склоне хребта препятствуют большие снега, достигающие 3 м и более, а также частые гололедицы.

В большом количестве олени проходят также южнее р. Озерной по верховьям рр. Еловки, Двухюртенной, Киревны, по склонам Шивелуча, р. Маимле и другим правым притокам р. Озерной к горе Оленьей на Камчатском Мысе (полуострове). Горы северной части Камчатского Мыса служат обычным местом летовки небольшого числа диких оленей. В 40-х годах охотники сел Еловки и Верхне-Озерного ежегодно добывали около 100 оленей. В настоящее время добывают приблизительно столько же, а численность оленей значительно возросла. С вертолетов наблюдали табуны по 400—800 голов, всего учтено более 2000 оленей.

Олени озерновского стада через верховья рр. Шишей, Начики и Уки уходят зимовать на западные склоны Срединного хребта, в верховья р. Воямполки Матерой и притоков рр. Тигиля, Пирожниковой, Седанки и Калгауч.

В 50-е годы, по сведениям, полученным от оленеводов, в горах Ветектап по р. Воямполке Матерой насчитывалось только 200 диких оленей, которых добывали нерегулярно единицами. Севернее р. Воямполки Жиловой и р. Ламутской на Камчатском перешейке оленей не наблюдали. В 1933—1934 гг., по данным землеустройства, охотники села Седанки добыли 82 оленя, села Воямполки — 49 и села Лесной 5 оленей. С тех пор численность диких оленей здесь сильно возросла: в 1968 г. только на зимовках в истоках р. Воямполки учтено 2000 оленей, всего по озерновско-воямполскому очагу — более 3000.

В середине прошлого века дикие олени были многочисленны на Парапольском долу, как и на всем севере, несколько беднее ими были тундры полуострова Тайгонос (Дитмар, 1901). К началу XX в. на Тайгоносе небольшие табунки оленей еще сохранялись по р. Авековой (Бацевич, 1913). На Парапольском долу их, вероятно, оставалось мало. В С. Бажанов (1946) в 1933—1935 гг.

отметил появление на долу оленей небольшими табунами. Численность оленей, вероятно, начала возрастать в связи с укрупнением колхозных и совхозных стад и сокращением частного выпаса.

Охотоведы И. Б. Соколова и Н. Свиридов, проводя в 1952—1954 гг. обследование оленьих пастбищ в районе Рекинников и правобережья р. Вывенки, встречали лишь небольшие группы диких и одичавших оленей. По новым данным Л. Баскина (1968), на Парапольском долу насчитывается до 2,5 тыс. диких и одичавших оленей. Основное поголовье держится по рр. Куюл, Энычай-веем (Таловки) и по западному склону Корякского (Ветвейского) хребта; лишь осенью животные переходят на восточные склоны хребта в верховья Тапельваям и Огинраваям.

В восточных частях Корякского нагорья, а также по среднему течению р. Пенжины дикого оленя, по-видимому, нет (Самородов, 1939; Портенко и др., 1963).

В северной части Пенжинского района охотники наблюдали зимой 1956/57 г. на Русском хребте (опросные данные), табунок из 50 диких оленей. Эгих оленей следует, вероятно, считать частью большого стада, отмеченного П. Обуховым (1967) между Омолоном и Верхним Анадырем. По нижнему Анадырю в 40-х годах и по настоящее время дикие олени редки. За 1939—1941 гг. нам известен только один случай добычи крупного дикого оленя-самца близ Ильмувья. В эти годы охотники сдавали на Чикаевскую (Красинскую) факторию лишь по несколько шкур диких оленей, добываемых в верховьях рр. Танюрера и Большой Осиновой (приток р. Белой). Дикие олени обитают вблизи озера Майна-Гытхина.

Новые данные (Кищинский, 1967; Обухов, 1967; Баскин, 1968) свидетельствуют о росте численности диких северных оленей на Колыме, Верхнем Анадыре и Парапольском долу. Увеличению поголовья способствовало оседание основной массы кочевого населения и прекращение частного выпаса небольших оленьих табунов, которые чаще и теснее контактировали с дикими животными, чем современные большие совхозные и колхозные стада. Одновременно уменьшился отстрел пастухами диких оленей.

На Камчатском полуострове численность диких оленей сохраняется на уровне 40-х годов, в некоторых районах она продолжает сокращаться в результате браконьерства и освоения новых пастбищ оленеводством. В озерновском очаге поголовье несколько увеличилось, возродились отдельные табунки в южной части Тигильского, Соболевском и на севере Усть-Большерецкого районов. Вызывает опасение состояние зимовки в кроноцко-жупановском очаге, вблизи которых на Толбачинских долах выпасаются домашние олени.

По Н. В. Слюнину (1900), на Камчатском полуострове в конце прошлого века ежегодно добывали около 1000 диких северных оленей. За сезон 1926/27 г., по данным переписи, на всей территории современной Камчатской области было добыто 694 оленя, в том числе за пределами полуострова добыто: в Пенжинском

районе — 103, в Олюторском — 18 и на полуострове — 573 оленя. По районам, в их современных границах, было добыто: в Тигильском районе — 17, Соболевском — 25, Быстринском — 15, Мильковском — 76, Усть-Камчатском — 38, Карагинском — 20, Петропавловском (ныне Елизовском) — 110, Усть-Большерецком — 272 оленя.

По отчетам Камчатского управления охотничье-промыслового хозяйства, в 1965 г. на полуострове отстреляно 98 диких оленей, в 1966 г. — 332. Фактически, с учетом браконьерства и отстрела пастухами-оленеводами, в области добывают около 500 диких оленей в год. В трех основных очагах на полуострове обитают 6—9 тыс. оленей. Таким образом, отстрел не превышает биологически допустимого. При планировании отстрела на будущее необходимо учитывать указанную выше незаконную добычу оленей пастухами. В Быстринском, Соболевском и Мильковском районах следует запретить в ближайшие годы промысловый отстрел диких северных оленей.

Большой интерес представляет безвыпасное разведение домашних северных оленей на островах. Имеется такой опыт на островах — Врангеля, Симушире (из Средних Курильских островов) и на о. Беринга.

На о. Карагинском в начале нашего века выпасали до 4000 оленей (Унтербергер, 1912). Однако пастбища были стравлены и стадо перегнали через пролив Литке на материк. В начале 50-х годов численность оленей на этом острове была более 1300 голов. В настоящее время на острове оставлены для размножения 150 домашних оленей с хорошим маточным составом, размножение которых может дать большой хозяйственный эффект.

Следует, однако, учитывать ограниченную оленеемкость пастбищ острова и возможные потери от гололедов. На остров целесообразно завезти диких быков-производителей для укрепления животных и ускорения одичания стада. При этом на острове необходимо уничтожать всех забегających туда волков, которые и раньше попадали на остров, следуя за перегоняемыми туда оленьими табунами¹.

Лось (*Alces alces* L.; сохатый; по-корякски и чукотски — вепха, вепка по-ламутски — нокичан).

Ареал лося на крайнем северо-востоке охватывает Колыму, Малый и Большой Анюи, Омолон, верхний Анадырь и Пенжину (Дитмар, 1901; Сокольников, 1927; Белопольский, 1932). Б. В. Зонов (1931) отметил большое количество лосей по Олою (приток Омолона). На верхнем Анадыре в 1897—1907 гг. лось считался редкостью (Сокольников, 1927). По сведениям охотников, проявивших на р. Белой (приток Анадыря) в 1940/41 г., много лет назад лось встречался в пойменном лесу у этой реки. Л. А. Портенко

¹ В начале XX в. пролив Литке покрывался на зиму более надежными льдами, чем в настоящее время, поэтому такие перегонки оленей производились регулярно.

(1941) сообщает, что лосей изредка добывали в Аянке, левом притоке Пенжиной. По итогам переписи 1926—1927 гг. в современных границах Пенжинского района за год не было добыто ни одного лося. К. Дитмар (1901) провел границу обитания лося между устьями рр. Пенжиной и Таловки.

Большую часть зимы 1956/57 г. мне довелось кочевать с охотниками из села Аянки А. П. Долганом и В. Н. Долганом, промышлявшими в Верхней Пенжиной и хорошо знающими родные края до Омолона. По их словам, на Верхней Пенжиной, выше устья Большого Мургаля, лоси водились издавна. Леса в истоках Пенжиной, Шайбовеема, Аянки, Оклана сообщаются с местобитаниями лосей на Олое, Моллонде, Кегали и Омолоне, откуда лоси регулярно заходили на Пенжину. В 1956/57 г. охотники определили общую численность лосей, зимовавших на Пенжиной и Оклане, приблизительно в 30 голов. Добывали животных нерегулярно, по 2—3 лося в год. Вблизи села Аянки стойбы лосей были известны в трех местах: один лось-бык зимовал в пойме ручья Масловеема в 25 км выше села Аянки; еще на 20 км выше — у Красного Мыса — стояла корова с молодым бычком; три лося быка зимовали в долине р. Хиузной.

Стойба у Красного Мыса располагалась на правом берегу р. Пенжиной, в 1,5—2 км выше, в участке пойменного лиственничного леса 2×3 км. До середины января лоси себя не обнаруживали, 19—20 января молодой лось прошел по реке и левым берегом по льду проток около 5 км вверх по течению. Он глубоко проваливался в снег даже по середине реки (где снеговой покров наиболее плотен), оставлял брюхом след (желоб) и не смог выйти на крутой левый берег, недалеко от которого паслось небольшое (голов 200) стадо домашних оленей. Выбившись из сил, лосенок перешел обратно через реку и вернулся на стойбу, замкнув круг около 10 км.

Зима 1956/57 г. отличалась особым многоснежьем. Средняя высота снега 20 января в смешанном лиственничном лесу на стойбе у Красного Мыса была 165 см. Молодой лось погружался в снег по шею, взрослая лосиха — выше локтевого сустава. При таком снеге охотники легко добывают каждого обнаруженного зверя. Оба лося (корова с молодым), зимовавшие у Красного Мыса, и, вероятно, один из зимовавших на Хиузной, были убиты. У коровы оказалось два эмбриона. В 1952 г. на р. Хиузной убиты два лося.

В прошлом, когда лосей добывали кочевавшие семьи и группы охотников эвенков (с небольшими табунками принадлежавших им оленей), звери эти были на р. Пенжиной редки. В последние 20—30 лет верхняя часть бассейна р. Пенжиной, площадью более 20 тыс. км², зимой мало посещается людьми. В 1957—1962 гг. там промышляли 5—10 охотников из села Аянки. Бригады оленеводов размещаются в хребтах и мало тревожат лосей, зимние стойбы которых располагаются в пойменных лесах. В связи с этим животные размножились.

В конце марта 1970 г. с самолета были учтены по рр. Пенжиной и Оклану более 300 лосей. Общая их численность в бассейне в уточнении, однако ясно, что численность лосей в последнее десятилетие намного увеличилась.

При организации промыслового освоения верховьев р. Пенжиной лоси могут использоваться для питания промысловиков. Необходимо только соблюдать умеренность в отстреле. Лоси перестали быть редкостью на Верхнем Анадыре. По сообщению М. А. Лукашенко, в 1966—1967 гг. лосей встречали на Большом Пеледоне, Яблоне, Ворожее и на ключе Березовом близ Нового Еропола.

Численность лосей на р. Пенжиной могла измениться в результате природных факторов (климата, кормов и др.), однако наиболее существенным нам представляется влияние человека. В течение многих десятилетий прошлого века охотники эвены целыми родами перекочевывали для пастбы стад и охоты с Охотского берега, рр. Колымы и Омолона на рр. Гижигу, Пенжину, в места южнее Анадыря и на Камчатку (Дитмар, 1855). Это, вероятно, и привело к оскудению запасов зверя. Известны периоды уменьшения населения и числа охотников от губительных эпидемий в районе Гижиги и среди «бродячих тунгусов» в Охотском округе после 1871 г. (Слюнин, 1900), вымирание юкагигов, чуванцев, омоков и других малых народов на Колыме и Анадыре (Бутурлин, 1907). Уменьшение населения и снижение пресса охоты могли способствовать сохранению диких копытных. Современное быстрое увеличение численности лосей на р. Пенжиной — также следствие социально-экономических причин. Этому способствует изменение уклада жизни малых народов: оседание кочевников, уменьшение значения охоты и числа охотников.

Нередко лоси появлялись восточнее и южнее указанных выше постоянных мест их обитания. А. П. Долган видел лося в 1936 г. в тундре у р. Черной, в 100 км от села Аянки. Он считал этого зверя зашедшим с р. Майна (приток Анадыря). В 1935 г. приблизительно там же наблюдали двух лосей (Бажанов, 1946). В начале 50-х годов лося видели юго-восточнее села Каменского в открытой тундре. Одного лося убили еще восточнее — в Апуцком лагере в 1926 г. По сообщению охотоведа Е. И. Жеребцова, один лось был убит в 1955 или 1956 г. в верховье р. Апуки, в 1968 г. лосиху с теленком обстреляли с катера близ этой реки. Л. Баскин (1968) отмечает регулярные заходы лосей на р. Пылговаям и на другие правые притоки р. Пахачи. Летние заходы лосей в тундры, отмечаются и в других секторах европейского и сибирского Севера.

На крайнем северо-востоке такие заходы известны до устья р. Анадыря (Портенко, 1941) и даже мыса Шмидта (Насимович, 1955). К. Дитмар (1901) сообщал о добыче лося у р. Воровской, на западном берегу Камчатки. Дитмару рассказывали еще о двух-трех случаях, когда лосей наблюдали и добывали в горах на пе-

ревал в долину Камчатки (на Пушино), в истоках Кирганика и Облуковинной, и около села Еловки.

Случай появления лосей на полуострове А. А. Кишинский (1967) связывает с их широким расселением на востоке в первой половине XIX в. Невероятно дальние заходы лосей на Камчатку можно объяснить их необычно высокой численностью на рр. Кольдуме, Омолоне и Пенжиной, подобно наблюдаемой в настоящее время.

В глубь полуострова лоси могли пройти по тундрам Среднего хребта в бесснежное время или в особенно малоснежную зиму, которые, хотя и крайне редко, но бывают на Камчатке. Небывало мало снега выпало зимой 1969/70 г. в северо-западных и юго-восточных частях полуострова. Тундровые и болотные кочки не везде были закрыты снегом. Ни до, ни после случаев, отмеченных Дитмаром, заходы лосей неизвестны не только в центральных, но и в северных частях полуострова.

В большинстве районов Камчатки высокие снега исключают возможность передвижения и зимовки лосей. Трудно представить переход лосей по снегам, достигающим в долинах Камчатки средней высоты 70—100 см, в горах и предгорьях — более 240 см, при продолжительности залегания снежного покрова 180—210 дней, в горах более 220 дней (Любимова, 1961).

Однако во внутренней части Камчатской долины снега меньше — средняя высота его в Козыревске 51 см (максимальная 67 см), в Эссо — 63 (максимальная 90 см), в Долиновке 68, у Среднекамчатска всего 30—35 см. Вблизи Толбачика и Среднекамчатска лошади леспромхоза выпасаются в лесах всю зиму. Тебеневка лошадей практикуется близ Милькова и даже в Быстринском районе, близ Кекука. На этих ограниченных территориях возможна зимовка лосей. Однако выпуск был бы связан с риском гибели животных, которые летом будут выходить из малоснежной зоны в другие горные долины, мощность снега в которых значительно превышает критическую для лося. Проект интродукции лося на Камчатском полуострове — биологически интересный эксперимент, но экономически не оправданный и далеко не первоочередной для охотничьего хозяйства области.

Снежный баран (*Ovis nivicola* Esch.). По-корякски и чукотски — кетеп¹, по-эвенски — уямкан, банга. Снежный баран был широко распространен в горах Камчатского полуострова, Корякской земли, Колымского и Анадырского края, обитал и на Чукотском полуострове, восточнее залива Креста. В пределах ареала бараны заселяют горы, имеющие скалистые труднодоступные места в сочетании с пастбищами на обдуваемых склонах. Животные держатся на разных высотах — от скалистых берегов высотой всего 100—200 м над морем и до вечных снегов и ледников на хребтах и вершинах (Гаврилов, 1947; Аверин, 1948; Черняв-

¹ У Л. А. Портенко ошибочно — кетепальгин, что значит баранья шкура.

ский, 1967). Распределение и численность баранов лимитируются сравнительно небольшими площадями благоприятных зимних пастбищ, летом они обеспечены кормами в избытке.

В прошлом много баранов добывали кочевые оленеводы. Численность животных уменьшалась, они сохранились в основном в недоступных больших хребтах. Вследствие оседания кочевого населения поголовье баранов в отдаленных горах значительно увеличилось.

Зимой 1940/41 г. в центральной части Анадырского хребта, в истоках р. Белой, по рр. Энмувеем, Ерумке (Урумкувеем), Большой Осиновой, а также в хребте Пекульней, Бараньих горах и в верховьях р. Танюрер кукули (спальные мешки) из шкур баранов и рукавицы из их камусов не считались редкими и ценились лишь немного дороже оленьих.

Н. П. Сокольников в 1897—1907 гг. не наблюдал баранов в Пекульнеях. Местные охотники объясняли его неудачу тем, что бараны при неблагоприятных условиях уходят с северных частей Пекульнейских гор в глубь Анадырского хребта. Нам пришлось в этом убедиться, встретив зимой 1940/41 г. свежий след барана, который пересек р. Белую немного ниже урочища Усть-Двух в направлении от Пекульнея к горам Поньян.

Восточнее, на Амгуэме, в хребте Искатень и вокруг залива Креста, о баранах приходилось слышать только как об очень редких животных, что подтверждают и новые сведения (Чернявский, 1968). О прошлом обитании баранов в этих местах говорят названия некоторых речек (Кетепнейвеем) и урочищ (Бараний лоб). Л. О. Белопольский (1932) нашел рога снежного барана в поселке Уэлькаль, на юго-западном берегу залива Креста. В результате бурного развития этого района условия для обитания здесь баранов ухудшились, и их, по-видимому, в этих местах не стало.

По словам охотников с побережья лагуны Туманской (Тымна), в 40-х годах бараны держались в горах севернее Майна-Пылгина и в истоках р. Великой.

В 1959—1961 гг. снежных баранов Корякского нагорья изучал Ф. Б. Чернявский (1961, 1962, 1967). По его сведениям, в восточной части нагорья и Олюторском хребте ежегодно добывают 200—300 баранов. Примерно столько же добывали 40—50 лет назад (итоги переписи 1929 г.). В отдельных участках гор плотность населения баранов достигает 8—18 голов на 1000 га. Бараны, по данным Ф. Б. Чернявского (1961), ведут здесь оседлый образ жизни. По сведениям, собранным нами при охотустроительном обследовании этого района в 1952 г., бараны проводят на Олюторских горах лето, на зиму основное их поголовье уходит в истоки р. Апуки.

Много баранов в правобережье р. Пахачи и Пылговаям до мыса Говена. На площади около 1 млн. га здесь ежегодно добывают 50—70 баранов, преимущественно самцов, так как самки

с ягнятами держатся скрытно на нижних склонах среди кустарников (Баскин, 1968).

В западной, более низкой части Корякского нагорья (Ветвейский хребет), зимой выпасаются олени стада совхозов, поэтому баранов там мало. В междуречьях Вывенки, Авьи и Култушиной к 1952 г. их, по-видимому, не осталось. В горах мыса Говена бараны держались постоянно.

Снежные бараны сохранились на Колымском хребте (нагорье) и его отрогах (Кищинский, 1967). В 1951—1957 гг. жители села Аянки считали баранов многочисленными на Русском и Ичигемском хребтах. Иногда их добывали на скалистом Красном Мысу, над правым берегом р. Пенжиной в 40 км выше села Аянки. Позже бараны ушли, так как вблизи прошли тропы геологов и проводилась рубка леса.

До 1926 г. много баранов обитало на полуострове Тайгонос, затем в результате деятельности волков численность их резко уменьшилась (Малышев, 1935). В 40—50-х годах на Тайгоносе базировались многочисленные геологические экспедиции, вследствие чего бараны пропали.

Подробные сведения о распространении снежных баранов на Камчатском полуострове собрал Ю. В. Аверин (1951). К настоящему времени в связи с хозяйственным освоением территории бараны кое-где отступили, но в основном размещение их осталось прежним, а местами, на отдаленных хребтах, поголовье баранов заметно увеличилось.

На Камчатском перешейке снежных баранов постоянно наблюдают близ перевалов в истоках рр. Лесной и Караги, у Дранкинских и Паланских горячих ключей, у озера Паланского в истоках Ивашки (Панкары) и Русаковой. Бараны держатся не только на больших хребтах, но и на меньших водораздельных высотах и в приморских скалистых мысах, где зеленая растительность дольше сохраняется осенью и раньше появляется весной, а зимой снег сдувается сильными ветрами. Зимовки баранов на приморских высотах были известны не только на высоком восточном берегу Камчатки, но и на отдельных мысах по западному берегу. В последнее время здесь появляются лишь единичные звери, которых быстро уничтожают. Например, зимой в 1942/43 г. четыре барана были убиты на приморском утесе в 2—3 км севернее Усть-Паланы, в 1950 г. два барана зашли на гору Омбон (мыс Хайрюзовский), один из них был добыт. В 1959 г. отмечен заход на этот мыс восьми баранов (Грибков, 1970). В 1951 г. двух баранов видели на мысе Пятибратском. На восточном берегу Камчатского перешейка одного барана застрелили в 1950 г. близ села Тымлат.

В южной части Срединного хребта (южнее истоков р. Ичи) и в его северной части (севернее истоков Еловки и Воямполки) численность баранов больше, чем в центральной части Срединного хребта, где повсеместно выпасают домашних оленей. По данным землеустроительной экспедиции, зимой в 1933/34 г. охотники из сел

Седанки, Воямполки и Лесной убили 46 баранов. В 50-х годах в самых отдаленных хребтах баранов добывали, вероятно, столько же.

В центральной части Срединного хребта бараны сохранились в истоках Воямполки и Тигилия (у Седанкинского озера), в горах Большого и Малого Кетепана (Бараньи горы), на сопках Айне-лькан, Шишей, Алней, Анаун (Анавгай), на восточном склоне Быстринского хребта в истоках рр. Кишкердиной, Крерук, Крюки, Белой, Киревны, Двухюртенной. Есть они в междуречье Быстрой — Козыревской и Быстрой — Хайрюзовской, на Ичинской сопке, в верховьях р. Ичи и в истоках р. Козыревки и ее притоков, в верховьях Большой Кимитиной, Кирганика, Жупанки, Андриановки, Кенсола, Санопеди, а также на западных склонах и отрогах — в истоках Колпаковой и Кихчика. Бараны постоянно зимуют близ озерного истока р. Камчатки, в падах Яковской и Кунч.

На гребне цирка Яковской пади 9 марта 1945 г. нами встречено стадо из 18 голов, считавшееся в то время большим. Стадо состояло из прошлогодних телят и молодых, 2—3-летних, самцов, среди которых выделялся один очень крупный старый баран и важенка, вероятно, яловая, так как стельные важеньки в это время ходят отдельно.

В начале сентября 1962 г. в одной из падей р. Андриановки (против устья р. Шаромской) встречено стадо из 40 животных, в числе которых были 4—5-летние самцы-бараны, важеньки и много ягнят. В последние годы такие большие стада встречаются и в других местах (Грибков, 1969). Чаше же попадаются табунки из 4—10 (реже до 20) животных. Большие стада встречаются обычно осенью, когда бараны не ограничены кормами, и до гона, после которого стельные важеньки, по-видимому, отделяются.

Основными местами обитания баранов в Усть-Камчатском районе в 1941—1944 гг. считали склоны вулкана Шивелуч, Радугинские горы (северную часть хребта Кумроч), г. Шиш (хребет Кумроч), группу Ключевской и Толбачинской сопки. За выезд на Шивалуч четыре-пять охотников добывали 10—15 баранов. Зимой бараны скапливались на северо-западной стороне Шивелуча, обдуваемой господствующими северо-восточными ветрами. После извержения Шивелуча 12 ноября 1964 г. вулканолог А. Е. Святловский (1969) наблюдал бараньи и оленьи тропы, следы медведей, убежавших перед извержением со склонов вулкана на запад, в предгорья Срединного хребта.

Бараны водятся по всему Восточному хребту — в Ганальских Востряках, в пади р. Кавычи, на Валагинском хребте, в истоках рр. Кытылгиной и Щапиной, на хребтах Тумрок и Кумроч.

В верховьях р. Кытылгиной (Мильковский район) у г. Оленьей охотоведы Ю. С. Лобачев и А. А. Лазарев весной 1959 г. наблюдали на площади около 30 км² четыре группы из 3, 6, 9 и 14 баранов, всего 32 животных, т. е. около 11 голов на 1000 га. Летом 1940 г. егерь И. Т. Корякин на 18 км протяжения Ганальского

хребта на площади около 200 км² насчитал 140 баранов, около 7 на 1000 га горных угодий.

В августе — октябре 1966 г. на том же хребте, по р. Средней Аваче на площади 120—140 км² учтены 124 барана, по 8,8—10,4 на 1000 га, т. е. плотность их возросла. Тогда же в Срединном хребте, в Малкинских горах, плотность составляла 11—12 голов на 1000 га (Грибков, 1969).

До последних лет почти нетронутое поголовье баранов сохранилось на территории Кроноцкого заповедника. По данным Ю. В. Аверина (1948), наибольшее их количество держалось в приморских горах заповедника между мысом Ольга и мысом Чажма. Ю. В. Аверин отмечает подход баранов весной и в начале лета в приморскую зону к устьям рек.

Южнее заповедника бараны обитают на сопке Карымской, Жупановских вострыках, на склонах Жупановского вулкана, и на полуострове Шипунском, южнее Авачинской губы — на сопках Вилючинской, Мутновской, Горелой, Опальской, Ксудач, в пади р. Карымчиной, истоках Асачи, вокруг Курильского озера, на сопках Кошеловой, Камбальной и у мыса Сивучьего.

Бараны постоянно держатся на приморских высотах: мысах Инканюш и Пиратковом, на скалах бухт-фиордов — Лиственничной и Ахомтен. По наблюдениям Е. И. Плечева (1939), обитающие здесь бараны страдают от гололедиц.

По данным переписи 1926—1927 гг. на территории современной Камчатской области за год было добыто около 1,3 тыс. баранов¹. С учетом современных представлений об интенсивности размножения этого вида (годовой прирост около 15%), общая численность баранов в то время могла быть близкой к 10 тыс. голов.

Наименьшая численность баранов была в первые послевоенные годы, поскольку в период войны промысел их был усилен, а добыча разрешалась без лицензий с 1 сентября по 1 декабря. Значительный урон поголовью баранов нанесен экспедициями, в основном топографическими и геологическими, усиленно изучавшими Камчатку в первые послевоенные годы. С 1956 г. добычу баранов разрешили только по лицензиям, однако срок отстрела неоправданно продлен до 1 февраля и даже 1 марта. Возросшая материальная обеспеченность, усиление охотничьего надзора и строгие правила приобретения нарезного оружия, а в северных районах области — оседание кочевого населения, способствовали сокращению браконьерства.

Охота на баранов трудна, иногда и опасна и в этом смысле спортивна. Мясо баранов отличается высокими вкусовыми качествами. Наиболее целесообразна охота на баранов в октябре, когда молодые бараны уже представляют некоторую хозяйственную ценность, а важенки после гона ходят отдельно.

¹ По районам в их современных границах было добыто: Мильковском — 346, Быстринском — 123, Усть-Камчатском — 78, Большерецком — 115, Елидовском — 225, Тигильском — 43, Олюторском — 289, Пенжинском — 61; всего 1280.

Значительную часть зимы, с ноября по февраль, на большинстве зимних отстоев и пастбищ бараны защищены от охотников непроходимыми снегами, нависающими снежными карнизами и козырьками, которые нередко обрушиваются («катаются») и особенно опасны в оттепели. Только после февральских выюг и солнцепоков снег надежно твердеет, большинство карнизов и козырьков скатывается лавинами. В это время охотники могут относительно безопасно проникать к местам обитания баранов, однако промысел нецелесообразен из-за плохой упитанности зверей и близости сезона размножения. Случается, что бараны становятся жертвами снежных лавин.

В настоящее время в Олюторском районе ежегодно добывают более 200 баранов (Чернявский, 1961; Баскин, 1968). Приблизительно по столько же отстреливают на остальной территории Корякского национального округа и в южных районах полуострова. Всего по области отстреливают около 600 снежных баранов.

По данным Камчатского управления охотничьего хозяйства и Восточно-Сибирской охотустроительной экспедиции, общая численность баранов на территории области составляет 5—6 тыс. голов. Планировать добычу баранов следует с учетом неизбежной незаконной их добычи пастухами и экспедиционными партиями, составляющей значительную часть возможного годового прироста.

В. К. Арсеньев (1923) предлагал завезти снежных баранов на Командорские острова. Целесообразно было бы завести их также на остров Карагинский и на два больших острова Северных Курил — Парамушир и Онекотан. На всех этих островах имеются благоприятные условия для их обитания и нет крупных хищников. Издавна бараны жили на острове Алаиде, поэтому нет сомнения, что они приживутся на названных выше островах.

Возможности хозяйственного использования снежных баранов еще далеко не изучены. Не сделаны попытки скрещивания их с домашними овцами, что может дать не меньший успех, чем известное выведение архаромериносов.

К. Дитмар (1901) сообщал о небольшом стаде одомашненных горных баранов, выпасаемых близ Ичинской сопки кочевниками, бежавшими от администрации. К сожалению, нельзя проверить это сообщение. Известны случаи приручения молодых снежных баранов.

Снежный баран — ценнейшее животное. Общий интерес представляет разработка режима его содержания в неволе, что может быть решено путем приручения.

Заключение. Первоочередным мероприятием, способствующим сохранению и правильному использованию копытных на Камчатке, является учет их численности — инвентаризация запасов. За последние 2 года в этом направлении проделана большая работа. Охотоведами Камчатского управления охотничье-промыслового хозяйства и охотустроительными партиями проведены в ряде районов авиаучеты дикого северного оленя и лося в бассейне р. Пен-

жиной. Для учета численности снежного барана используются в основном опросные сведения, поэтому точность их невелика. В ближайшие годы необходимо уточнить эти данные путем наземных и авиационных обследований.

В центральной части Камчатки сохранению поголовья диких оленей и баранов способствует восстановленный Кроноцкий заповедник. В южной части полуострова для увеличения численности этих животных необходимо принять меры: расширить территорию заказника вокруг Курильского озера до размеров бывш. Лопатинского заповедника; со временем преобразовать заказник в Национальный парк, включающий рр. Асачу, Ходутку, Мутную, Желтую, верховья рр. Озерной, Опалы, Голыгиной, озеро Толмачево. В национальном парке с хорошо организованным туризмом и надежной охраной территории объектами особой охраны должны стать калан, снежный баран, дикий северный олень и соболь. Туристские маршруты могли бы включать Паужетскую термальную электростанцию, озеро Камбальное, восхождение на вулканы, посещение горячих источников.

Необходимо также принять меры к сокращению поголовья волков, которые держатся в местообитаниях дикого северного оленя на Ходутке-Асаче, в Кроноках, на Жупановских, Щапинских и Толбачинских долах. Свежие следы волков постоянно наблюдаются в местах обитания баранов в верховьях рр. Лесной, Тымлата и Караги. В районе рр. Озерной (Восточной), Уки, в верховьях р. Еловки, горы Оленьей на мысу Камчатском волки сопровождают оленей в их сезонных перекочевках.

На Камчатке обитает крупный полярный волк, способный в одиночку справиться со взрослым оленем или бараном, из которых только сильные крупные самцы иногда могут отбиться от нападения хищника. Известны случаи успешного нападения волков на медведя (Аверин, 1948). Существование волков на Камчатке зимой целиком зависит от добычи ими оленей и баранов, в условиях очагового распространения которых хищники из «санитаров» становятся их бичом.

В горах и тундрах волки держатся группами, обычно по пять-восемь, лесов из-за глубокоснежья они избегают. В поясе лесов лишь случайно можно встретить след одиночного волка, переходящего с хребтов к приморским тундрам или обратно за стадами оленей. В районах развитого оленеводства (Олюторском, Пенжинском, Быстринском), где потравы оленей затрагивают интересы совхозов и колхозов, с волками ведется борьба.

В этих районах поголовье волков за последние годы значительно сократилось.

Л. Баскин (1968) сообщает об исчезновении волков из Олюторского и Пенжинского районов. Однако численность волков на севере никогда не бывала особенной высокой. Наибольшая добыча в этих двух районах в 30—40-х годах не превышала 60—70 волков, в среднем добывалось вдвое меньше. Проходившая в 1956/57 г.

кампания по истреблению волков с использованием яда способствовала снижению поголовья хищников. Второй причиной прекратившихся нападений волков на стада домашних оленей является, видимо, увеличение численности копытных — диких оленей на Паропольском долу, снежных баранов в хребтах и лосей в бассейне р. Пенжиной.

В местообитаниях диких копытных на Камчатке волки живут в условиях полной заповедности. Борьба с хищниками затруднена отдаленностью и необходимостью человеком местообитаний копытных. В этих условиях наибольший эффект в борьбе с волками дает применение авиации. В 1967 г. за два вылета на вертолете МИ-4 на территории Кроноцкого заповедника было отстреляно 10 волков. Однако это дорогой способ, его надо сочетать с широким применением фторацетата бария.

Литература

- Аверин Ю. В. Наземные позвоночные Восточной Камчатки. Труды чонского госзаповедника, вып. 1. М., изд. Главного управления по заповедникам, 1948.
- Аверин Ю. В. О снежном баране на Камчатке. Бюллетень МОИП, Отделение биологическое, т. 56, вып. 1. М., 1951.
- Агроклиматический справочник по южным районам Камчатки. Петропавловск-Камчатский, Областное книжное издательство, 1965.
- Арсеньев В. К. Командорские острова в 1923 году. Сб.: «Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока». Петроград, 1923.
- Бажанов В. С. Заметки о некоторых млекопитающих бассейна р. Пенжины. Бюллетень МОИП, отделение биологическое, т. 51, вып. 4—5. М., 1946.
- Баскин Л. М. Дикие олени на Камчатке. «Охота и охотничье хозяйство», № 11, 1968.
- Баскин Л. М. Распространение некоторых млекопитающих на Камчатском перешейке. Научные доклады Высшей школы. «Биологические науки», 1968, № 1 (49).
- Белопольский Л. О. Парнокопытные Анадырского края. Труды Зоологического ин-та АН СССР, т. 1, вып. 3—4. М., 1932.
- Бутурлин С. А. Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 г. Камчатского и Охотского края. СПб, 1907.
- Гаврилов В. Т. Заметки по биологии снежного барана. «Зоологический журнал», т. 26, вып. 4, 1947.
- Грибков П. Ф. Состояние поголовья снежного барана (*Ovis nivicola*) в центральной части Камчатки. «Зоологический журнал», т. 48, вып. 11, 1969.
- Грибков П. Ф. Снежный баран на Камчатском полуострове. «Краеведческие записки». Петропавловск-Камчатский, изд. Камчатского областного краеведческого музея, 1970.
- Дитмар К. О коряках и весьма близких к ним чукчам. Вестник РГО, ч. 15, кн. 6, СПб, 1855.
- Зонов Б. В. Описание бассейна р. Омолон. Экспедиция НКПС. Иркутск, 1931.
- Кишинский А. А. Материалы о распространении диких копытных в северо-восточной Сибири. «Проблемы Севера», 1967, вып. 11.
- Любимова Е. Л., Камчатка. Физико-географический очерк. М., Географгиз, 1961.
- Обухов П. Дикий олень в низовьях Колымы. «Охота и охотничье хозяйство», 1967, № 5.
- Плечев Е. И. Промысловые звери юго-восточной Камчатки. Известия Государственного географического общества, т. 71, вып. 9, 1939.

Портенко Л. А. Фауна Анадырского края, ч. III. Млекопитающие. Труды научно-исследовательского института полярного земледелия, животноводства и промыслового хозяйства, серия «Промысловое хозяйство», вып. 14. М., Изд. Главсевморпути, 1941.

Портенко Л. А., Кищинский А. А., Чернявский Ф. Б. Млекопитающие Корякского нагорья. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1963.

Самородов А. В. К фауне млекопитающих земли Олюторских коряк. Сборник трудов Государственного Зоомузея МГУ, вып. V. М., 1939.

Святловский А. Е. Вулканы служат людям. Владивосток, Дальневосточное книжное издательство, 1939.

Слюнин Н. В. Промысловое богатство Камчатки, Сахалина и Командорских островов, СПб, изд. Министерства земледелия и гос. имуществ, 1895.

Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. СПб, изд. Министерства финансов, 1900.

Сокольников Н. П. Охотничьи и промысловые звери Анадырского края. Бюллетень МОИП, отделение биологическое, т. 36, вып. 1—2, 1927.

Чернявский Ф. Б. Материалы по биологии снежного барана в Корякском нагорье. Бюллетень МОИП, отделение биологическое, т. 66, вып. 6, 1961.

Чернявский Ф. Б. О размножении и росте снежного барана. «Зоологический журнал», т. 41, вып. 10, 1962.

Чернявский Ф. Б. К экологии и промысловому значению снежного барана в Корякском нагорье. «Проблемы Арктики», 1967, № 11.